

Юрий Серебрянский

Часовой мастер

Рассказ

То, что золотая цепочка порвалась, Виктор воспринял просто: данность вселенной. Иногда все цепи рвутся. У жены была привычка вменять ответственность за подаренную вещь именно тому, кто являлся автором подарка. Это оказалось даже удобно. Подаренная тестем пять лет назад подержанная «Тойота» бумерангом возвращалась к подъезду его квартиры каждый раз, когда начинала умирать от недостатка внимания хозяйки. Что-то вроде пожизненной гарантии на подаренные вещи жена распространяла на все, кроме съедобного. Но могла и позвонить: «Мам, я твоим салатом отравилась. Вчера уже не стала тебе говорить».

Виктору досталась порванная цепочка. Пятилетие, кажется, брака, отмечать решили в грузинском ресторане. Где-то на окраине города, ближайший к Тбилиси ресторан горел вечерними новогодними гирляндами, словно одинокая карусель в парке. Подруга жены любила это место. Здесь пахло дымом мангала, безудержной водкой и кипятком. Цепочку Виктор преподнес после того, как доели шашлык. Жена обрадовалась, золотая тонкая цепочка ко всему сгодится. Она назвала ее классической. И вот теперь цепочка лежала в кармане, в той же самой коробочке, цену с которой Виктор соскреб, сидя в машине. Еще в «Ладе» тогда.

Отпросившись с работы всего на полдня, можно многое успеть, если ничего не делать. Не претендующая на статус торговая галерея, проходная насквозь, от торговли в метро отличается только людьми. В метро ходят не по своей воле, точно в туалет, а в галерее зимой тепло, а летом — кондиционер. Виктора дважды толкнули в плечо и один раз кто-то дернул за руку — нужно было время, чтобы осознать, что окно ювелира-гравера закрыто и мобильный телефон, указанный в заткнутой за край стекла визитке, ничем не поможет. Было ясно, что ювелир не отошел, не вышел и не отлучился — его не было.

Виктору захотелось в туалет, и только благодаря этому он и сделал замечательное открытие: галерея имеет два этажа. Лестница почти незаметна. На втором этаже один посетитель у окошка отдельно стоящей прямо по центру коридора будки. Под лампой.

Юрий Серебрянский — прозаик, поэт. Родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получив диплом химика-эколога, и Варминско-Мазурский университет в городе Ольштын по специальности культурология. Дважды лауреат «Русской премии» в жанре «Малая проза» — за повести «Destination» («ДН», 2010, № 8) и «Пражаки» («ДН», 2014, № 9). Постоянный автор «ДН». Живет в Казахстане.

Дверь в туалет с надписью «Сто тенге». Виктор сощурился и понял, что не видит надписи на стекле будки.

Виктор подошел ближе и разобрал, что там написано. Отвернулся. Возвращаясь к лестнице, думал: «ЧАСОВОЙ МАСТЕР» — это на публику. Опомнился уже на первом и даже вышел на улицу. В этой школе он когда-то учился с третьего по седьмой. Потом была травля и уход в английскую спецшколу, где язык вызывал отвращение у всех. Живого носителя английского языка он встретил в тысяча девятьсот девяностом и сильно испугался.

Туалет был на втором, вахтерша с недоверием посмотрела вслед. В туалете никого не было, жутко воняло тайным курением и мочой. Приоткрытое окно не спасало, крашенные белой глянцевой краской деревянные двери покрыты буграми. Словно лицо пятиклассника. И унитаза — дыры в полу. В английской спецшколе туалеты были точно такими же, вместо зеркал над краном меняющиеся после прихода уборщицы грубые послания и впечатления пробуждающихся умов. Будто они избавляются от ненужного багажа — оболочки кокона детской вызывающей нелепости. Из этого рождаются мужчины и мужики. Из вони школьного туалета — в вонь армейского и дальше, а кому повезет увидеть рай уборной турецкого отеля — тот просветлен навсегда.

Виктор поссал.

Свежий холод утра выветрил вонь из носа, но не из памяти. Поднявшись уверенно по лестнице, он подошел к окошку часового мастера. Потолочная лампа заливала аквариум его будки тусклым светом, на который усатый человек не обращал внимания. Лампа на его столе посылала луч на растерзанные часы, прикрытые от верхнего света спиной мастера.

Виктор соображал, как построить разговор, чтобы не выглядеть совсем безнадежно.

Правый глаз мастера — увеличительное стекло в черном корпусе, что-то вроде глаза мультипликационного робота. Левый — без признаков любопытства.

— Здравствуйте, — Виктор начал так. — А вы занимаетесь ремонтом ювелирных украшений?

— Бог миловал, — ответил не сразу, оставив паузу на взгляд.

Неожиданно для себя Виктор засмеялся. Ничего не сказав, отошел от киоска, оставив мастера опять склониться над часами.

Он заметил обложку журнала «Техника — молодежи» на противоположной стене будки. Обожгло. Профиль космонавта в футуристическом шлеме совпадает с диском Луны, и космический рассвет, ползущий с правого края обложки, позволяет разглядеть и мужественное лицо, и кратеры, отбрасывающие маленькие тени. Виктор стал вспоминать содержание и вспомнил. Особенно рассказ. Но не подробности. Только ощущение. Он механически шел по направлению к лестнице на первый этаж. Оглянулся на будку — лампа на потолке все так же подмигивала; мастера, впрочем, не беспокоя, а других посетителей на всем этаже не было. Возвращаясь, Виктор уже придумал. Придумал ничего не мудрить.

— Извините еще раз. Пожалуйста.

— Да, — мастер, казалось, не узнал его. Потом узнал, но только сощуренным свободным глазом.

— Я вижу за вашей спиной. Я увидел. Эту обложку. А может быть, это у вас журнал целиком? У меня не сохранился.

— А у меня сохранился. Мастер даже не обернулся, чтобы в этом убедиться.

— Простите, а можно глянуть?

— С чего это?

Ответить было нечего, и Виктор просто смотрел на робот-глаз. Представляя, каким он может оказаться через этот прибор. Потом качнулся вперед и сказал:

— Я здесь его полистаю, вот, на диванчике. Я вам в залог цепочку золотую дам. Можно?

— Валяйте.

Виктор держал руку в кармане, а в руке был зажат пакетик с цепочкой. Он с готовностью положил его перед мастером.

— Вы проверьте. Там цепочка.

— Ладно, пусть здесь лежит. Вы сами посматривайте за ней, когда будете читать. У меня часы.

Голос мастера напоминал киноактерский, выразительные паузы добавляли веса словам, а о некоторые слова его голос ударялся, как будто о камни.

Мастер легко обернулся и снял журнал с полки. За ним оказалось еще несколько номеров, и обложка следующего заставила Виктора даже цокнуть языком.

— Да у вас коллекция, мастер!

— Да, но не библиотека!

— Я полчаса посижу, мне и нельзя дольше.

— Кто это сказал? — мастер протянул журнал в окошко, широкое настолько, что и сворачивать не пришлось.

— Кто сказал что? — Виктор ощутил обложку, необычную, какие начались только в девяностые. Твердая бумага с амбициями картона, как будто искусственная, не совсем даже целлюлозная.

— Кто следит за вашим временем? — часовщик уже взвешивал в руке часы, осиротевшие на пару шестеренок.

— Дела следят. У вас что, профессиональная деформация, мастер?

— Будем считать, что так. Ладно.

Виктор понял, что дивана, на который он обещал сесть, не существует на этаже, и он, решив, что это частности, уселся в облезлое кожановое кресло у вазона.

Журнал открылся на развороте с «Миром». Пахнуло надеждой и разочарованием. Никакой пыли, как будто номер недавно листали, и Виктор еще раз убедился, что со временем это ощущение удивления от бумаги никуда не делось. Так же как в тот день, когда он забрал номер на почте, не доверяя распоясавшейся доставке, а на обратном пути его пытались подцепить словами какие-то хулиганы, а он выбрал бегство. Он никогда не стеснялся убежать, объясняя себе это нестандартным поведением. По телевизору рассказывали, что оно спасает, ставит в тупик. Он бежал с журналом под мышкой, выронил его на асфальт, подобрал, чиркнув ногтем указательного пальца до крови. Этим пальцем он не касался бумаги, кровь быстро остановилась, и больше ничто не беспокоило и не отвлекало. Пролистывая новости технологий, он шел к рассказу. Профиль космонавта на фоне лунной поверхности, кратеры, космический рассвет, название внизу страницы и автор. Он всегда пытался в таких вот случаях не торопиться. Угадать по иллюстрации и фамилии автора. Фамилия имела значение всегда. Неуклюжее Кир Булычёв или пиратское Эдмон Гамильтон. Бывала еще и фамилия переводчика. Рассказ явно о космонавте... Виктор сел удобнее, кресло, казалось, не издало ни звука.

Начиналось все очень странно — с биографической справки о майоре Советской Армии по фамилии Шестаков. Ничего не было в ней примечательного, привлекла внимание подробность — служил в составе контингента советских войск на Кубе. Перечитав еще раз, он понял, что эта статья специально выводит к Кубе, к этой строке с Кубой.

Голос этого Шестакова представлялся ему крепким, неторопливым, голос, которым вспоминают важное, волнуясь, но держа себя в руках:

— Я явился. Вечером уже. Сказали — самолет с Гагариным сядет в четыре утра. Его отвезут сразу в Посольство. Скорее всего, ляжет спать, но вдруг что понадобится. Дежурство. Пять часов — выспаться. Дальше не спать.

Гагарин, он ведь не спит. То есть, я не знаю, спал ли он, когда привезли. Свет под дверью горел. Но он ничего не просил. Я думал, а что ему надо-то? Перелет долгий. Климат другой совсем. Я сидел на стуле, на каком-то аристократическом полукресле, невесть откуда взявшемся, может, Кастро приволок откуда-то. Табаком оно пахло. Поэтому его из комнаты Гагарина и вынесли, он ведь не выносит табачной вони. Вот если выйдет сейчас и предложит прогуляться, что мне тогда делать? Доложить? Прогуляться по ночной Гаване? Я стал выдумывать сценарии. Вот мы приходим в бар, а там его, конечно, узнают. Девочки — огонь. Особенно Милли. Она там обязательно может оказаться. И что мне тогда делать? А главное — что ему-то тогда делать?

В девять утра я услышал шаги в коридоре, и они меня не разбудили, я всего лишь поднял голову. Лейтенант пришел. Тоже из Москвы. Он постучался в дверь, и я подумал, что это такой ритуал у них ежеутренний. Мне никогда не приходило в голову злиться или держать обиду в такие моменты. Обиды вытравливают из рядовых. Выходит, я не пригодился. Служба есть служба. Эти восемь часов моей жизни понадобились стране, и я их ей отдал. Гагарин открыл немедленно после стука в дверь и вышел в коридор совершенно свежим. Он обернулся в мою сторону так, будто знал о моем присутствии здесь все это время. Он сухо кивнул и за руку поздоровался с лейтенантом.

Когда шаги стихли, я отправился на доклад, но, проходя мимо открытой двери комнаты, которую теперь можно было называть его комнатой, заглянул внутрь. На белом одеяле аккуратно заправленной кровати лежала книга, несомненно принадлежавшая нашей скромной библиотеке. Двери я закрывать не стал.

Проходя мимо шкафа у входа в приемную посла, я перебрал рукой корешки стоявших там книг. «Старик и море» оказалась между сводом правил дипломатической службы и книгой, о которой не могу рассказать, я и так слишком много рассказываю, хотя вообще-то неразговорчив.

Чем же я занимался после того, как доложил? Я ел и спал. Отведенные пять часов. Не было никакой неожиданности в том, что мне опять приказали ночную смену.

В комнату Гагарин вернулся в десять тридцать. Мне доложили, и я сразу вернулся на свое кресло, захватив с собой «Старика и море». Гагарина я не видел, дверь была уже заперта.

Коридорный свет позволял различать слова, но от чтения страшно клонило в сон, неимоверно. Я отложил книгу и подумал, а бывал ли переводчик на Кубе?

Этот ветер, гоняющий листья пальм по набережной на фоне дворцов с облезлыми колоннами, странные, считающие себя коммунистами, люди. Но книга точно передавала другие подробности.

Дверь открылась и в проеме показалась голова Гагарина. Без фуражки. В рубашке навыпуск, брюках и носках он все еще был тем Гагариным, у ног которого будто бы прочертила свою линию сама история. Линия двигалась впереди него и, достигая тебя, заставляла подняться и дать напряжение телу.

— Доброй ночи, товарищ старший лейтенант, как вас зовут?

— Валентин.

— А по отчеству?

— Валентин Игнатьевич.

— Рад познакомиться, — он протянул ладонь, лицо выглядело крепким, но уставшим. — Товарищ старший лейтенант, вы говорите по-испански?

Что мне было ему ответить? Конечно, я сказал как есть.

— У меня к вам просьба, Валентин Игнатьевич, личная просьба. Послезавтра я улетаю, а завтра вечером мне надо кое с кем встретиться, можете?

— Я постараюсь, товарищ майор. Что за просьба.

— Вы не могли бы называть меня «Юрий Алексеевич»? Мне кажется, мы одного поколения.

— Это несложно.

— Это не просьба, Валентин Игнатьевич, предложение. Кстати, одного моего друга зовут именно так. Валентин Игнатьевич. Тоже космонавт.

— Ух ты.

— Валентин Игнатьевич, мне надо встретиться с человеком по имени Грегорио Фуэнтос. Отчества у него нет. Он из местных. Хотел повидать его. Перед отлетом в Москву.

— Давайте я запишу имя, Юрий Алексеевич.

— Зачем, вас ведь учили запоминать, — он подмигнул и впервые улыбнулся совершенно произвольно, естественно. — Постарайтесь, Валентин Игнатьевич, чтобы об этой просьбе не все знали завтра к вечеру. Без шума. Возьмем с вами машину и съездим вдвоем, если водите. В крайнем случае водителя возьмем. Это в крайнем.

— Я попробую, Юрий Алексеевич, постараюсь. Спасибо.

— За что спасибо? Это я вам спасибо скажу. Завтра.

Я смутился от своего дурацкого спасибо. Сразу после этого я сел в кресло. Гагарин отшатнулся, но тряхнул головой и вернулся к себе в комнату. Никаких идиотских «доброй ночи» не прозвучало.

Утром, когда я снова услышал сперва шаги лейтенанта, а потом стук двери об ограничитель в полу, он повернулся ко мне, уже уходя, и спросил: «Ну, как дела, Валентин Игнатьевич»? Мизерной паузы ему хватило, чтобы глянуть на лейтенанта и сразу после уйти по коридору, оставив меня в полнейшем замешательстве.

Я шел по пыльной улице Гаваны, белой от солнца, как у бога в приемной, в отведенное на сон время и, признаться, за какую-то минуту все-таки прокрутил эту мысль. Но Гагарин, тем более теперь. Да и зачем?

Я зашел в бар. Вероятности встретить здесь сучек в такое время не было. По просьбе Ивана я как-то ночью не только перевел, но и объяснил им значение слова, которым мы назвали девочек меж собой. Смеялись.

У бара я встретил только хозяина, Уормода. Конечно.

— Товарищ офицер, в такое-то время! Какая радость моему дому. Счастливые час всегда для вас работает на нас.

Он распростер руки. Худенький бармен за стойкой сгорбился, будто собирал под прилавком ручную гранату. Бармены все у него были одинаковыми, я перестал запоминать имена со временем.

— У меня для тебя конфиденциальный вопрос, сеньор Джимми.

— Конечно, товарищ офицер, конечно! К ответу прилагаю рюмку виски.

— Где вы виски берете?

— Ваши коллеги любят виски, виски любят все, даже я и тот люблю виски! — он заулыбался, давая понять, что ветка вопроса — тупиковая.

— Хорошо. Мне нужно узнать, где живет Грегорио Фуэнтос.

— А вы не знаете, товарищ офицер?

— Не делай из меня идиота, прошу вас, сеньор Джимми.

— Да, конечно, сейчас я чиркну вам его адрес.

— Благодарю за виски! Еще один вопрос — тоже конфиденциальный.

— Уже догадываюсь!

— И...

— Рыбак.

— Рыбак?

— Гордый, как тысяча гордецов. А рыбу-то он так и не взял. Чем гордиться?

Я рассмеялся облегченно и подумал, что он обязательно сохранит все в тайне, раз дело так обернулось. Похлопал его по плечу и ушел. Оставалось еще два часа на сон, а дело было как будто сделано.

С нетерпением поднявшись с кресла, я слушал, как Гагарин и лейтенант о чем-то шептались в коридоре на достаточном отдалении, потом Гагарин пришел один и сразу поздоровался за руку, как будто утром мы и не виделись.

Я тоже предпочел сделать вид, что той встречи не было.

— Есть новости, Валентин Игнатьевич? — он не выпускал мою ладонь.

— Да, у меня есть его адрес. С собой.

— Черт, надо ехать, — он задумался, опустив голову. — Валентин Игнатьевич, можно отправить вас за Володей?

— Лейтенантом?

— Да, спасибо. Я только переоденусь.

— Вы хотите ехать сейчас, товарищ Гагарин?

— Точно, сейчас. Едем вместе, Володя организует нам машину.

Тяжелый черный автомобиль посольства не был приспособлен для езды по песку, хотя и укатанному. Тем не менее мы выхватили фарами какой-то дощатый забор, тряпицу на нем и качающиеся в свете темного неба пальмовые кроны. Море было совсем рядом, настоящее, дикое. Совсем не городское.

Залаяли собаки. Что-то знакомое защемило внутри.

Я первым открыл дверь и вышел, вдохнув душные пары ночи, переполненные запахами, как дешевое сладкое вино.

Гагарин вышел следом, несмотря на мой знак оставаться пока внутри машины. Мы пошли вдоль темного забора, ковляя по песку туфлями. У калитки нас встретил немолодой крепкий мужчина, сигара освещала его угловатое лицо весьма условно.

— Буэнос ночес, нам нужен сеньор Грегорио Фуэнтос.

— Вы не из полиции.

— Нет, мы из Советского Союза.

— Приятно, а сколько у вас там сейчас времени? У нас тут уже порядком поздно.
— Дело в том, что со мной, что рядом со мной Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт в мире.

— Я знаю, кто такой Гагарин, — неожиданно равнодушно отрезал Фуэнтос.

— Прекрасно, а он знает, кто вы, приехал познакомиться и поговорить.

— Тогда я возьму рома и пойдем к лодкам.

— Но он не употребляет алкогольных напитков.

— Вы будете немного рома, товарищ Гагарин?

— Вы меня Юрием Алексеевичем зовите, Валентин Игнатьевич, нам вместе выпивать придется.

Он протянул руку Григорию, и тот протянул ему свою.

Чем ближе мы подходили к берегу, тем больше накатывала духота, лицо облипло от морской соли. Гагарин снял китель на ходу, он шел вторым, следом за Григорию, в руках у которого была корзина. Гагарин кивнул, мол, делай как я, и я не преминул воспользоваться этим. Снял китель и понес его в правой. Это моя главная рука.

Я смотрел во тьму, стараясь разглядеть огни лодок, но ничего не было видно, даже луны. Неизвестно каким образом подсвеченные, предметы все-таки отделялись от темноты и мы видели высокий нос баркаса впереди. Все мы видели его, я был уверен; мы шли именно к нему и вскоре оказались рядом.

Лодка оказалась невероятно высокой, и нам пришлось пройти вдоль борта, чтобы рассмотреть выброшенную за борт веревочную лестницу. Первым взобрался Григорию, он подал руку Гагарину, а потом они вместе подтянули меня к краю борта.

Я перебросил ногу и уселся поперек борта, пытаюсь понять, как быть дальше.

Оказалось, что палуба была высоко поднята в угоду трюму, рассчитанному на крупный улов, и мы расположились посреди палубы на банках, как на скамейках в парке. Григорию деловито расставил бокалы и откупорил бутылку. Вернее, она была уже откупорена, осталось только вынуть пробку. Он сел напротив нас. Лиц друг друга мы не видели. Только близкий шум волн и силуэт Григорию. Вода ударяла о корму, беспокоя необычным звуком.

Григорию, по-видимому, обладал способностью ориентироваться в темноте. Не отставал от него и Гагарин, одним точным движением подобранный наполненный ромом бокал и сделавший глоток. Я же угадывал свой бокал по звуку, с которым лился ром. Обнял его пальцами и не отпуская, боясь потерять в темноте.

Мой китель лежал где-то рядом, как я надеялся, на банке, а не на пропахшей рыбой палубе.

— Вы заплатите мне двадцать долларов за мой рассказ, сеньор, — сказал мне силуэт рыбака. — А он заплатит десять.

— Григорию Фуэнтос хочет тридцать долларов за разговор. С вас, Юрий Алексеевич, десять и с меня двадцать.

— Валентин Игнатьевич, скажите ему, что мы ничего не заплатим, если ему понравится то, что расскажу ему я. Но если нет — заплатим, как положено.

Я перевел. Фуэнтос усмехнулся.

— Вам тоже есть что мне рассказать, по рукам! — обращался он в основном к Гагарину, они и сидели напротив, я же оказался в роли переводчика, и если бы еще мог видеть лица, мне было бы гораздо проще, я привык слушать и читать по губам в таких случаях. Отблеск волн, к которому привыкли глаза, вычертил только грубые силуэты людей и очертания лодки.

Грегорио начал с того, как они познакомились с Эрнестом Хемингуэем в море, когда у лодки писателя закончилось топливо. Говорил он как по писаному. В шесть лет оказался на Кубе, страдал, отец тоже был моряком. Потом он рассказал анекдот и сам же над ним посмеялся. Гагарин сидел молча, держа в руках широкий бокал, казалось, он слушает Фуэнтоса, как слушают музыку. Мой перевод ему не был нужен.

— Профессию моряка никто никогда со свету не сживет, — заявил Грегорио, и как будто иссяк в словах. Замолчал, сделав глоток рома.

— А если я приеду жить сюда, на Кубу, вы научите меня всему, что с ней связано? — Гагарин говорил тихо, уверенно и хитро, ясно было, что он к чему-то ведет.

Фуэнтос засмеялся!

— Только если поделитесь со мной своей Нобелевской премией! Мне уже одну обещали, правда.

— Грегорио, а вы читали «Старик и море»?

— Зачем. Я же писал его.

Вата облаков надулась светом луны изнутри, и стало понятно, почему на небе нет звезд, хотя две-три все же пробились и были видны.

Мы наконец разглядели пространство вокруг: корму лодки в нереальном свете, песок цвета пепла, следы рыбаков на нем, друг друга.

— Разве море не похоже на небо? — спросил Фуэнтос, но я решил перевести «небо» как «космос».

Гагарин выдержал паузу и спросил меня:

— А как на испанском будет слово «космос», разве не «эспасио»? Я тысячу раз слышал это слово, а здесь его не было.

— Он сказал «небо», Юрий Алексеевич.

— Спасибо, Валентин Игнатьевич, — без тени упрека сказал Гагарин.

— Не знаю. Я не знаю моря. Я вырос на земле и потом в небе.

— Опиши мне свое путешествие, и я скажу тебе, — Грегорио почему-то перешел на «ты», и я решил переводить все как есть.

Перед тем как начать, Гагарин сделал еще один глоток.

Говорил он в сторону волн, делая паузы, выбирая слова, будто уже рассказывал это на иностранном языке, и я слышал каждое слово прекрасно и переводил как мог.

— К невесомости я готовился, вернее, меня готовили, к перегрузкам, ко всему, даже к смерти и то готовили. Несколько раз мы встречались с психологом. До полета я ведь уже бывал в стратосфере, технически это очень близко, близкие ощущения. Так и произошло, когда запустились двигатели.

В этот раз он не помогал себе жестами, и виноватой улыбки, слышной в голосе, не было... Мне даже стало не по себе. Передо мной был уставший человек, не стесняющийся своей усталости.

— Внизу, насколько мне было видно, все было в спектре от фиолетового к голубому, и белые облака в атмосфере. Такого с самолета не увидишь. Как бы с обратной стороны. Смерти не наступило, конечно, никакой, и страха тоже не было. Когда я смотрю на море, я чувствую, что оно живое, что там есть жизнь. А планета сверху показалась безжизненной. Никаких следов на первый взгляд. Очень хорошо мы здесь прячемся, на Земле.

— Когда-то я жил на Тенерифе, видел там черепахи в воде. Вот они там как чужие, и на суше чужие, — Грегорио дождался, когда я закончу переводить, и дополнил. Слушал он внимательно, глядя в черноту, туда, где утром возникнет море.

Гагарин посмотрел на него, но не в глаза. Видно было, что собеседник ему сейчас не нужен.

— Мне сообщили, что связь скоро закончится и я уйду на теневую сторону. Потом стало темно, довольно резко стало темно, и мои глаза начали привыкать к свету звезд. Примерно, как здесь. Не видно толком. Я смотрел на диск Земли и видел, как он слился с атмосферой в лезвие, а потом и свет атмосферы совсем исчез. Что я увидел там? Не знаю. Складки, будто кору огромного дерева, толстые стволы, переплетения и тени этих стволов... Потом я увидел глаза Бога, и эти черные глаза Бога принадлежали голове черепахи. Они провожали меня взглядом, они меня видели. До тех пор, пока не скрылись из виду, и я долго летел над нижней поверхностью панциря, пластинами неравных размеров, бугристыми и пыльными. Я разглядывал впадины и думал сперва о глазах, а потом до самого выхода из тени готовился доложить обстановку.

Я замолчал, закончив перевод. Чувствовал себя очень неловко и мне хотелось раздеться и окунуться в воду, но стало вдруг страшно к ней даже подойти.

— А лапы? — спросил Грегорио.

— Какие лапы? — Гагарин смотрел на меня, будто я сам задал этот вопрос.

— Какие у той черепахи были лапы? С перепонками или с когтями? — Грегорио развел руки в стороны, изображая движение плывущей черепахи, по-видимому.

— Лап я не видел, — ответил Гагарин. — Диск атмосферы ослепил, потом я вошел в свет.

— Жаль, — сказал Грегорио. — Это важно.

— Послушайте, сеньор Фуэнтос, я прошу вас никому не рассказывать об этой встрече, — сказал я, обращаясь к Грегорио.

— Валентин Игнатьевич, пожалуйста, не надо этого, — что сказано, то сказано, — Гагарин поставил бокал на палубу.

— Юрий Алексеевич, может, поедим уже? — мне, честно говоря, хотелось уехать немедленно.

— Передайте, пожалуйста, сеньору Фуэнтосу, мою благодарность за встречу.

Я перевел, а Гагарин кивнул в подтверждение своих слов.

— Двадцать долларов, сеньоры, — Грегорио улыбнулся.

— Да, конечно... вам не понравилась наша история? — я полез за деньгами.

— Я все это и без того знал, — он кивнул Гагарину в ответ, принимая у меня деньги.

Мы поднялись и поочередно пожали Грегорио руку, хотя еще надо было возвращаться вместе к машине.

На этом месте Виктор перевернул страницу журнала, окончание четко всплыло в памяти, и перечитывать его уже не имело никакого смысла.

Дальше шла статья о «Буране», о приближающемся его пилотируемом полете, интервью с космонавтом со странной фамилией Волк, снимок огромной «Мрии», самолета, взлетающего с «Бураном» на спине, будто мать-гуземка уносящая ребенка от опасности. Зеленые поля за взлетной полосой, удачная фотография.

Он закрыл журнал и вернулся к окошку мастерской.

— Ладно, я тут вашу цепочку посмотрел, — мастер забрал номер и накрыл им разбросанные на столе шестеренки часов.